

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Скокова Юлия Аркадиевна

*Движение наблюдателей на выборах в России: социальный
состав, факторы и динамика развития*
РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук (PhD)

Научные руководители:
д.с.н., проф., М.А. Шабанова
PhD, доцент, К. Фрëлих

Москва, 2021

Постановка проблемы и актуальность исследования

Российскому обществу традиционно приписывался «асоциальный синдром» (Дилигенский 2002, с. 165), то есть «отсутствие культуры совместного действия», а российское гражданское общество традиционно характеризовалось как слабое и неразвитое (Evans et al. 2006). Между тем, начиная с 2010-х гг. многие исследователи начали фиксировать всплеск неформальной низовой самоорганизации (Клеман 2010, 2013; Романов, Ярская-Смирнова 2009), развитие некоммерческих организаций (Мерсиянова, Корнеева 2011; Krasnopolskaya et al. 2015; Skokova et al. 2018), благотворительной деятельности (Корнеева, Миннигалеева 2017; Мерсиянова, Корнеева 2013; Чернышева 2016). При этом значительная часть коллективных действий была связана с адресной помощью социально незащищенным категориям граждан, а также с защитой частных прав и интересов. В первом случае самоорганизация преимущественно формировалась на базе идеи оказания помощи детям с тяжелыми заболеваниями, инвалидам и пожилым людям (Тарасенко 2015; Bindman 2015; Fröhlich 2012; Kulmala 2016; Kulmala, Tarasenko 2016; Tarasenko 2015). Во втором случае наибольшая мобилизация фиксировалась исследователями в сфере защиты социально-экономических интересов (Клеман 2007; Клеман и др. 2010; Климов 2008; Романов, Ярская-Смирнова 2009) и защиты локальных пространств от точечной застройки, вырубки зеленых насаждений и т.д. (Белокурова, Воробьев 2010; Клеман и др. 2010; Aidukaite, Fröhlich 2015; Evans 2012). В этой связи ряд исследователей отмечали, что российское общество деполитизировано и крайне редко самоорганизуется в сфере гражданских и политических прав (Журавлев 2015; Dausé 2014; Casula 2013).

Такая оценка российского гражданского общества начала меняться с ростом протестной мобилизации 2011-2012 гг. Исследователи, наоборот, стали говорить о его политизации, привнесении политического дискурса в низовые общественные движения (Журавлев 2015; Туровец 2015; Belokurova, Vorobyev 2020; Zhuravlev et al. 2019; Zhelnina 2020). Говоря о политизации

части российского гражданского общества и его трансформации, исследователи чаще всего обращаются к изучению протестного движения 2011-2012 гг. и городских движений, возникших впоследствии на его основе (Ерпылева, Магун 2015; Dollbaum 2020; Zhuravlev et al. 2019; Zhelnina 2020). Однако близкое к протестному движению, но оказавшееся более устойчивым во времени массовое движение наблюдателей на выборах, участниками которого стали десятки тысяч человек по всей стране, не было изучено исследователями столь же детально. Движение наблюдателей на выборах исследователи чаще всего рассматривают как часть общего протестного движения (Ваньке и др. 2014; Ерпылева, Магун 2015; Лобанова, Семенов 2012, 2013; Семенов, Лобанова 2013; Соболев 2012, 2013; Greene 2013; Smith et al. 2013; Smyth, Soboleva 2016; Dollbaum 2020; Rosenberg 2017; Zhuravlev et al. 2019) и, за исключением нескольких работ, практически не изучают в качестве отдельного объекта исследования (Фудин 2012; Давыдов, Лебедев 2015; Давыдов и др. 2016; Bader 2013). В диссертационной работе утверждается, что движение наблюдателей на выборах является самостоятельным общественным движением, с собственными факторами и динамикой развития и не может быть полностью приравнено к протестному движению, изученному достаточно хорошо. Диссертационное исследование призвано продолжить дискуссию о российском гражданском обществе и его трансформационных процессах кейсом движения наблюдателей на выборах, который по ряду причин является уникальным.

Движение наблюдателей на выборах сформировалось на волне протестной мобилизации 2011-2012 гг. Несмотря на то, что текущее законодательство не предполагало в 2011 г. гражданского наблюдения на выборах от общественных организаций¹ и настроения в обществе

---

¹ Право общественных организаций направлять наблюдателей на выборы было закреплено в 1994 г. (Федеральным законом № 56-ФЗ от 06.12.1994 «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»), однако в 2005 г. данная возможность была упразднена и с того момента направлять наблюдателей на выборы федерального уровня (Государственной Думы и Президента) могут лишь баллотирующиеся кандидаты и партии. Для участия в наблюдении на выборах представители движения получали официальные направления от политических партий или СМИ, не являясь при этом ни членами или

характеризовались весьма распространенным представлением «выборы ничего не изменят» (Волков, Гончаров 2015; Зоркая 2017), в марте 2012 г. на выборах Президента страны наблюдателями стало 690 тыс. чел. Значительная часть из них (57,5 тыс.) была рекрутирована созданными в тот момент новыми общественными организациями наблюдателей на выборах – «Гражданин наблюдатель», «Союз наблюдателей на выборах» (далее – СОНАР), «РосВыборы» и других, не связанными с действующими политическими партиями и баллотирующимися кандидатами (Forbes 2012).

Несмотря на то, что движение наблюдателей на выборах появилось в ходе одной протестной волны с протестным движением, они не могут быть полностью приравнены друг к другу по ряду причин, а потому движение наблюдателей следует рассматривать и изучать в качестве отдельного объекта исследования. К основным различиям данных двух движений, в первую очередь, относится состав участников. Хотя рядом исследователей делаются выводы о пересечении участников протестного движения и движения наблюдателей на выборах (Бикбов 2012; Волков, Гончаров 2014), их состав тем не менее отличался между собой. Менее половины участников протестов (44%) были готовы стать наблюдателями на выборах [*Данные ЛЦ 2011б, N=791*], а среди наблюдателей такой опыт имели (74%) [*Данные 2012-1, онлайн опрос наблюдателей, N=1025*]. Таким образом, полное или близкое к нему пересечение состава участников отсутствует.

Во-вторых, протестное движение и движение наблюдателей, хотя и было основано на общих разделяемых демократических ценностях и критике власти, публично они заявляли о разных целях и имели разные мотивы. Если протестное движение открыто заявляло о целях пересмотра выборов и смены власти (Rosenberg 2017), то движение наблюдателей было ориентировано, в первую очередь, на институциональные изменения, а не политические – проведение процедурно «честных выборов» и противодействие нарушениям

сторонниками партий, ни сотрудниками СМИ. Такие направления играли лишь техническую роль для соблюдения электорального законодательства и получения допуска на избирательные участки.

на выборах. Что касается мотивации, то и она различалась среди участников данных движений. Если участники протестных акций присоединились к ним с желанием проявить накопленное недовольство и высказать возмущение [Данные ЛЦ 2011б, N=791], то мотивы наблюдателей основывались на эмоциях лишь в начале, в последствии двигателем участия стали более прагматичные соображения – желание на собственном опыте проверить и проконтролировать «честность выборов», реализовать «гражданский долг».

В-четвертых, эти движения имели разную организационную структуру и репертуар действий. Ни организации наблюдателей, ни персонально лидеры движения наблюдателей, не выступали в роли организаторов протестных акций, эти функции выполняли политические партии и отдельные политики. Что касается репертуара действий, то если для участия в протестной акции было достаточно нескольких часов, то для участия в наблюдении на выборах было необходимо пройти предварительное обучение, провести полный выходной день до поздней ночи на избирательном участке, привезти копию итогового протокола об итогах голосования в штаб движения. Это делает движение наблюдателей на выборах более ресурсоемким по сравнению с протестным движением и требует от его участников иной мотивации.

И, наконец, протестное движение и движение наблюдателей на выборах имели разную динамику развития. Несмотря на единое во времени и по причинам происхождение, их дальнейшие пути значительно разошлись. Протестное движение фактически закончилось с завершением волны митингов в 2012-2013 гг. и демобилизовалось (Lasnier 2017; Zeller 2020). Исследователи утверждают, что его участники продолжили свой опыт в городских движениях по борьбе с точечной застройкой, реновацией, в экологических протестах и т.д. (Ерпылева, Магун 2015; Zhuravlev et al. 2020), однако само протестное движение закончило свое существование. Движение наблюдателей на выборах, напротив, продолжило свое развитие и в последующие годы, несмотря на также демобилизацию и падение числа участников. Более того, как это будет показано в работе, движение

институционализировалось – существующие организации наблюдателей обрели силу и сформировали ядро участников, само движение в меньшей мере стало носить мобилизационный характер, практики организации и проведения наблюдения на выборах стали более устойчивыми, деятельность по наблюдению на выборах нормализовалась и стала органичной частью выборного процесса. *Фактически движение наблюдателей на выборах сегодня является единственным современным примером устойчивого во времени общественного движения, работающего в сфере гражданских и политических прав, перешедшего на стадию институционализации и закрепления своих практик.*

Перечисленные отличия движения наблюдателей на выборах от протестного движения дают основания рассматривать его в качестве отдельного кейса. Уникальность движения наблюдателей на выборах, сформированного в контексте широкой протестной мобилизации 2011-2012 гг., ставит вопросы о том, какие факторы оказали воздействие на его формирование, какова динамика и траектория его развития, кто и почему принимал в нем участие и решение «выйти» из движения. Оставаясь практически не изученным по сравнению с протестным движением, отдельное исследование движения наблюдателей на выборах позволит не только получить ответы на вопросы о его характеристиках, но и дополнить выводы о трансформационных процессах внутри российского гражданского общества. *Основной исследовательский вопрос в этой связи: как возникло движение наблюдателей, за счет чего смогло стать устойчивым во времени и как это характеризует российское гражданское общество?*

Степень разработанности проблемы

Степень разработанности проблемы диссертационного исследования определяется, с одной стороны, эмпирической изученностью общественных движений в России с учетом специфики применимости западных

теоретических концепций к отечественным кейсам, и, с другой стороны, изученностью самого объекта исследования – движения наблюдателей на выборах.

Так, с позиции исследований общественных движений в России и вклада отечественных социологов в общую теоретическую дискуссию, следует отметить относительную слабость данного исследовательского направления в российской социологии. Как показывает практика зарубежных исследований, изучение общественных движений тесным образом связано с их появлением и развитием. Начало исследованиям было положено во второй половине XX в., когда в США стали активно развиваться движения афроамериканцев, женщин и студентов за свои права, экологические и антиядерные движения, движения за мир и другие. Впоследствии они стали центральной политической фигурой не только на уровне отдельных государств, но и в глобальном измерении. Накопленный материал в ходе многолетних междисциплинарных исследований (Klandermans, Roggeband 2007), основанных на широком спектре методов (Klandermans, Staggenborg 2002; Della Porta 2014b), стал основой для создания теоретических концепций.

Отечественные социологические исследования общественных движений начались значительно позже, но также стали ответом на их массовое появление в период социальных изменений 1990-х гг. Как отмечает Е. Здравомыслова, «первые социологические работы, посвященные общественным движениям, относятся к 1987-1988 гг. Большинство из них носило дескриптивный характер, отличалось неполнотой и фрагментарностью описания» (Здравомыслова 1993, 503 с.). О. Яницкий напрямую указал на неразвитость этой отрасли: «социология социальных движений развивается во всем мире, от Исландии на Севере до острова Тасмания на Юге. Везде, кроме России» (Яницкий 2010, с. 52). Тем не менее, по мере развития новых форм общественных движений, исследования отечественных социологов в данной сфере продолжают – опубликовано несколько монографий (Ерпылева, Магун 2015; Клеман и др. 2010; Романов, Ярская-Смирнова 2009), основу

которых составил анализ кейсов различных общественных движений; изучено протестное движение, возникшее на фоне реформы социальных льгот в 2005 г. (Клеман 2007; Климов 2008; Левада 2005); имеется обширный пласт литературы о протестном движении 2011-2012 гг. (Бикбов 2012 ; Волков 2012; Семенов 2012, 2013; Семенов, Лобанова 2013; Соболев 2012, 2013; Greene 2013; Smith et al. 2013; Smyth, Soboleva 2016; Dollbaum 2020; Rosenberg 2017; Zhuravlev et al. 2019); продолжают изучаться отдельные кейсы городских движений (Aidukaite, Fröhlich 2015; Evans 2012; Zhelnina 2020). Однако говорить о том, что исследования общественных движений в России носят системный характер вряд ли возможно.

Другим аспектом степени разработанности проблемы диссертационного исследования является вопрос изученности кейса движения наблюдателей на выборах в целом и в России в частности. В целом, стоит отметить, что как зарубежные, так и отечественные исследования, посвященные изучению наблюдения на выборах, характеризуются преобладанием политологического, а не социологического подхода в постановке исследовательских вопросов. Во многом это объясняется глобальными процессами демократизации, вызвавшими в период с начала 1990-х гг. существенный рост количества выборов, проводившихся с участием наблюдателей, в особенности международных (Kelley 2008), что в свою очередь оставило перед исследователями новые вопросы о причинах роста количества стран, в которых выборы проходят с участием международных наблюдателей (Hyde 2011; Kelley 2008), значению их присутствия на выборах с точки зрения продвижения демократических ценностей (Bjornlund 2004; Chand 1997; Hutcheson 2011; Hyde 2007; van Aaken 2009), влиянию присутствия наблюдателей на результаты голосования (Hyde 2007; Kelley 2012), их влиянию на совершенствование института выборов в целом (Bachelard 2009; Elklit, Svensson 1997; Laakso 2002) и другим вопросам. Важно, что в ряде перечисленных и других работ (Bachelard 2009; Bjornlund 2004; Carothers 1997; Chand 1997; Laakso 2002; Nevitte, Santiago 1997) утверждается,

что внутренние гражданские наблюдатели на выборах обладают рядом преимуществ по сравнению с международными – они в большей мере обладают знанием контекста конкретной страны и имеют тесную взаимосвязь с местным гражданским обществом, а значит, говорится в перечисленных работах, исследовательский фокус следует сместить в сторону их большего изучения.

Что касается изучения гражданских наблюдателей, то проведенные исследования также фокусируются в большей мере на политологических проблемах. В целом можно выделить два основных исследовательских вопроса, ставящихся в контексте изучения гражданского наблюдения в различных странах мира, в основном развивающихся. Первое направление – это анализ электоральной статистики, где изучается вопрос влияния присутствия наблюдателей на избирательных участках на результат голосования (Подлазов 2014; Asunka 2013; Bader, Schmeets 2013; Buzin 2016; Enikolopov et al. 2013; Herron 2010; Ichino, Schundeln 2012; Sjoberg 2012). Второе направление – изучение влияния наблюдателей на процесс демократизации в различных странах мира (Igarashi 2008; Lean 2007, 2013; Legler et al. 2007; Nevitte, Santiago 1997; Ngwainmbi 2014; O’Grady et al. 2006; McFaul 2015; Suryani 2015; Yaakor, Virgianita 2016).

Существующие работы крайне редко ставят в фокус своих исследований гражданских наблюдателей на выборах как действующего социального актора. Несмотря на то, что на практике внутренним гражданским наблюдением на выборах в различных странах мира занимаются некоммерческие организации или общественные движения (Grömping 2017; Giuliano 1996; Hedman 2006; Lean 2013; O’Grady et al. 2006; Suryani 2015; Selivanova 2020), сами они редко выступают в качестве самостоятельного предмета исследования. Как отмечает М. Громпинг, «несмотря на то, что глобально примерно половина выборов проводится с участием гражданских наблюдателей, имеется недостаток знания о причинах, динамике и последствиях формирования таких групп» (Grömping 2017, p. 407). Тем не

менее, есть несколько важных исключений – исследование Е. Лотты Хедман о движении наблюдателей на выборах в Филиппинах (Hedman 2006) и исследование Г. Селивановой о движении наблюдателей в посткоммунистических странах Грузии, Молдове и Украине (Selivanova 2020). Авторы данных работ анализируют причины формирования движения наблюдателей на выборах, их внутреннюю структуру, сети поддержки и влияние на социальные и политические процессы в стране. В своем исследовании Е. Хедман показала, что движение гражданских наблюдателей на выборах в Филиппинах во многом опиралось на уже существующую в стране сеть некоммерческих организаций, католическую церковь, локальные бизнес-сообщества и образовательные организации, а само движение оказало значимое влияние на процесс демократизации Филиппин. Работа Г. Селивановой носила сравнительный характер и показала, как различия во внешнем политическом и институциональном контексте влияют на стратегии развития движений наблюдателей на выборах в трех изучаемых странах, а также в какой мере деятельность наблюдателей на выборах приводит к улучшению качества выборов.

Аналогичным с международным академическим контекстом образом, российские исследования, затрагивающие вопросы гражданских наблюдателей на выборах, значительно чаще представляют собой вклад в политологическое знание, а не в знание социологическое, объектом изучения которого могли бы выступать вопросы о внутренней динамике развития движения наблюдателей на выборах, их социальном составе и функциях и т.д. Политологи изучают роль российских гражданских наблюдателей в обеспечении открытости и прозрачности выборного процесса (Бужин 2012), вклад наблюдателей в выявление нарушений на избирательных участках (Bader 2013) и влияние присутствия наблюдателей на избирательных участках на исход голосования (Enikolopov et al. 2013).

Тем не менее, с начала формирования движения наблюдателей на выборах в России выполнен ряд академических исследований и

социологических замеров, частично затрагивающих данный вопрос или ставящий его в качестве основного. Данные работы можно разделить на четыре направления – оценка готовности участия в деятельности по наблюдению на выборах, социальный состав участников движения, мотивы участия и инфраструктура движения (организации, практики, процедуры).

Рост интереса граждан к участию в деятельности по наблюдению на выборах в 2011-2012 гг. и рост соответствующих обсуждений в СМИ (Давыдов, Лебедев 2015) вызвал ответный интерес у различных социологических служб к *оценке масштабов готовности вовлечения населения* в данную деятельность. Такие замеры проводились рядом опросных компаний и носили скорее дескриптивный характер. На их основе не проводилось более глубокого анализа социального состава участников движения наблюдателей, их мотивах участия и прочих характеристиках.

Вопрос о социальном составе участников движения наблюдателей на выборах изучался лишь вскользь и чаще всего в контексте изучения протестного движения 2011-2012 гг. Отдельных количественных исследований социального состава участников движения наблюдателей на выборах за исключением данных, полученных в текущей работе, не проводилось. Однако схожесть портрета участника протестного движения и движения наблюдателей на выборах отмечает ряд исследователей (Бикбов 2012; Волков, Гончаров 2014). Обе группы, по результатам исследования А. Бикбова имеют «опыт управления собственной жизнью» – они работают в качестве фрилансеров или занимаются предпринимательской деятельностью, работают в сфере исследований и преподавания, имеют опыт путешествий за границу и т.д. (Бикбов 2012, с. 160). Такие характеристики дают основания полагать о принадлежности существенной части участников данных движений к «новому» среднему классу, занятому в сфере интеллектуального труда и базирующегося преимущественно в столичных регионах и крупных городах (Шкаратан 2008).

Другое направление исследований посвящено изучению мотивов участия в деятельности по наблюдению на выборах. Наибольший вклад в понимание данного вопроса сделан С. Давыдовым, О. Логуновой и Е. Лыткиной (Давыдов и др. 2016). Авторами исследования выявлено три основных мотива участия в наблюдении – (1) желание проявить гражданскую позицию и повлиять на открытость и прозрачность электорального процесса, (2) любопытство, стремление понять, как устроен механизм голосования, (3) профессиональный интерес студентов релевантных профессий (социологов, политологов, журналистов). Также в результатах исследования выявлен фактор влияния «значимых других» на принятие решения стать наблюдателем на выборах – публичных интеллектуалов и политиков. О значимости мотивов «честных выборов» также говорят результаты исследования А. Левинсона, который утверждает, что целью наблюдателей является прежде всего недопущение нарушений на выборах, а не поддержка определенного кандидата или партии (Левинсон 2012). В то же время в данных работах не дается ответа на вопрос о демобилизации движения и мотивов «выхода» из него, что является отдельным исследовательским вопросом в области изучения динамики развития общественных движений.

Наконец, ряд исследований посвящен различным аспектам инфраструктуры наблюдения на выборах – практикам, организационным основам, процедурам, дискурсу социальных медиа. Так, одной из первых опубликованных работ о деятельности движения наблюдателей на выборах стала статья А. Фудина (Фудин 2012), который анализирует набор различных социальных практик, реализуемых наблюдателями (подготовка к наблюдению и выбор участка) и их индивидуальное восприятие. Практика использования краудсорсинговых технологий наблюдателями на выборах стала объектом двух зарубежных исследований (Bader 2013; Bader, Schmeets 2013). Организационную базу движения описывает Д. Волков (Волков 2012а), отмечая специфику различных организаций как с точки зрения внутренней структуры, так и с точки зрения основных функций. И. Берлянд и М.

Ступакова собрали в единый сборник рассказы наблюдателей о собственном опыте (Берлянд, Ступакова 2012). Дискурс социальных медиа, посвященных вопросу наблюдателей на выборах, изучали С. Давыдов и П. Лебедев (Давыдов, Лебедев 2015).

Таким образом, на сегодняшний момент существует некоторый объем собранных эмпирических социологических данных и проведенных академических исследований о том, что представляет собой «движение наблюдателей на выборах в России». Различными социологическими службами дана оценка готовности и масштабов участия в наблюдении на выборах, на основе качественных и количественных данных исследователями сделаны некоторые выводы относительно социального состава и мотивов участия, а также о внутренней и внешней инфраструктуре движения. Среди них лишь единичные работы выделили движение наблюдателей на выборах в качестве основного объекта исследования (Фудин 2012; Давыдов, Лебедев 2015; Давыдов и др. 2016; Vader 2013), чаще встречаются работы, которые лишь вскользь упоминают движение наблюдателей на выборах на фоне изучаемого протестного движения 2011-2012 гг. (Ваньке и др. 2014; Ерпылева, Магун 2015; Лобанова, Семенов 2012, 2013; Семенов, Лобанова 2013; Соболев 2012, 2013; Greene 2013; Smith et al. 2013; Smyth, Soboleva 2016; Dollbaum 2020; Rosenberg 2017; Zhuravlev et al. 2019). В фокусе внимания таких работ находятся лишь частные аспекты деятельности движения наблюдателей на выборах, и неизученными остаются вопросы о том, как и за счет каких факторов состоялось движение наблюдателей на выборах.

Диссертационная работа ставит движение наблюдателей на выборах в фокус исследования и призвана ответить на вопросы о факторах и динамике его формирования и развития, о социальном составе его участников. Полученные результаты станут продолжением исследовательской линии об изучении места и роли движения наблюдателей на выборах в гражданском обществе различных стран (Grömping 2017; Hedman 2006; Lean 2013; Selivanova 2020), а также дополнят дискуссию о трансформационных

процессах в российском гражданском обществе (Daucé 2014; Skokova et al. 2018, Stuvøy 2020; Toepfer et al. 2020).

Цель и задачи исследования

Обозначенная актуальность исследования приводит к его основной **цели** – установить особенности социального состава участников движения наблюдателей на выборах, выявить факторы и динамику его развития.

Для реализация поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. На основе систематизации классических и современных теорий общественных движений разработать теоретическую рамку исследования;
2. Выявить факторы формирования движения наблюдателей на выборах в России;
3. Выявить динамику и основные этапы развития движения наблюдателей на выборах в период 2011-2016 гг.;
4. Определить социальный состав участников движения наблюдателей на выборах;
5. Определить мотивы «вхождения» в движение наблюдателей на выборах, а также мотивы «продолжения» участия в нем и «выхода» из него;
6. С помощью регрессионного анализа выявить индивидуальные детерминанты включения в деятельность по наблюдению на выборах и интенсивности участия в движении.

Объект исследования – движение наблюдателей на выборах в России.

Предмет исследования – факторы формирования и развития движения наблюдателей на выборах в России.

Теоретические основания исследования

Движение наблюдателей на выборах изучается сквозь призму теорий общественных движений. На основе систематизации различных теоретических подходов к определению понятия общественных движений (Blumer 1953; della Porta, Diani 1992, 2009; Moss, Snow 2016; Snow 2013; Tarrow 2011; Гидденс 1999; Смелзер 1994; Штомпка 2008) в работе сформулировано следующее рабочее определение: *Общественные движения – это устойчивые коллективные действия, направленные на достижение социальных изменений или препятствующих им, которые могут существовать в рамках социальных институтов и в институционализированной форме организаций, объединенных на основе общности целей и коллективной идентичности участников.*

Движение наблюдателей на выборах соответствует всем основным критериям общественных движений – на своем первоначальном этапе оно имело мобилизационный и спонтанный характер, всегда сохраняло ориентацию на институциональные изменения, являлось устойчивым во времени, в ходе которого участники движения сформировали общее разделяемое представление о целях движения и сформировали свою коллективную идентичность. Такие характеристики концептуально отличают общественные движения от разовых коллективных действий, которые не являются продолжительными во времени, а также от волонтерской деятельности или деятельности некоммерческих организаций, в определениях которых не содержится ориентация на изменения и мобилизационный характер формирования.

Теоретической базой исследования являются основные теоретические концепции общественных движений: массового общества (Kornhauser 1959), коллективного поведения (Blumer 1953; Marx, McAdam 1994; Smelser 1962), депривации (Gurney, Kathleen 1982; Gurr 1970; Morrison 1971), мобилизации ресурсов (Jenkins 1983; McCarthy, Zald 1977), политического процесса (Eisinger 1973; McAdam 1982; Tarrow 2011; Tilly 1978) и новых социальных

движений (Buechler 1995; Kriesi et al. 2015; Melucci 1980, 1994; Offe 1985; Richardo 1997). На основе систематизации теорий в работе устанавливаются границы применимости различных подходов и их отдельных положений к изучению общественного движения наблюдателей на выборах с точки зрения основных исследовательских вопросов о факторах формирования движения, динамике его развития, социальном составе, мотивах и детерминантов участия в нем.

Выбор в пользу систематизации теорий, а не применение какой-либо одной из них к объекту исследования объясняется тем, что различные теории общественных движений сфокусированы на различных вопросах их формирования и развития. Как отмечается в одной из работ, общая теория общественных движений отсутствует, и она весьма фрагментарна (Klandermans, Roggeband 2007, p. 9). Фактически ни одна из существующих теорий общественных движений в отдельности не может дать ответы на все имеющиеся исследовательские вопросы, связанные с их эмпирическим изучением. В то же время, совокупность теорий и теоретических подходов расширяет границы понимания всего спектра проблем, изучаемых в рамках социологии общественных движений. Для анализа факторов формирования, динамики развития, социального состава и мотивов участников движения наблюдателей на выборах будет представлена систематизация теоретических подходов к изучению каждого из поставленных вопросов.

Многофакторная модель формирования общественных движений

Суммируя основные постулаты классических и современных теорий общественных движений, а также подходы к их систематизации автором выявлено три основополагающих фактора, лежащих в основе возникновения большинства общественных движений. Первым является наличие *социального конфликта*, выступающего в качестве первоначального триггера возникновения движения. Так, практически все основные определения общественных движений декларируют их ориентацию на достижение или

противостояние социальным изменениям (Смелзер 1994; Штомпка 2008; Гидденс 2005). Как уточняет Д. дельла Порта «вовлечение движения в политический и/или культурный конфликт означает, что оно продвигает или противостоит социальным изменениям... предъявляет претензии, которые будучи реализованными нанесут вред интересам других сторон» (della Porta, Diani 2009, p. 21).

Несмотря на то, что в теориях общественных движений зачастую не говорится напрямую о конфликтном генезисе движений, однако термины, используемые для описания факторов их возникновения, – напряженность, депривация, неудовлетворение – имеют общее конфликтное начало и отражает противоположность интересов различных социальных групп. Объединение данных понятий в «класс» конфликтов, приводящих к формированию движений, автор монографии по социологии конфликта А.Г. Здравомыслов объясняет следующим образом: «Источником обострения конфликтов между большими группами... является накопление неудовлетворенности существующим положением дел, возрастанием притязаний, радикальное изменение самосознания и социального самочувствия... Неудовлетворенность, приобретающая открытую форму, стимулирует возникновение социального движения» (Здравомыслов 1996, с. 93-94). Э. Обершалл также рассматривает недовольство, несогласие, напряженность в контексте политических, социальных, культурных отношений в качестве источников конфликтов, стимулирующих возникновение коллективных действий и общественных движений (Oberschall 1978).

В рамках классических теорий общественных движений к конфликту, в широком смысле, относится структурная напряженность (Н. Смелзер), социальное недовольство (Р. Парк, Г. Блумер) и относительная депривация (Т. Гарром). Данные явления рассматриваются перечисленными авторами в качестве необходимого фактора формирования общественных движений. В современных теориях общественных движений понимание природы

конфликта несколько изменилось. Так, теория новых общественных движений видит конфликт, лежащий в основе формирования движений, в вызовах, стоящих перед современным постиндустриальным обществом, – достижение равенства возможностей, выбора идентичности и образа жизни (Diani 1992; Offe 1985). Как отмечает К. Оффе, модель социального и политического конфликта в новых общественных движениях отличается от своей классической модели, во-первых, тем, что сторонами конфликта в современном мире выступают не классы, а социальные объединения людей, представляющих различные классы и «не-классы», а во-вторых, что в основе конфликта лежат более универсалистские или, наоборот, партикуляристские запросы отдельных социальных групп (Offe 1985).

Несмотря на основополагающую роль конфликта, для формирования общественного движения данного фактора недостаточно. Социальные конфликты перманентно присутствуют в любом обществе, однако далеко не всегда это приводит к формированию движения. В этой связи необходимы иные факторы, способствующие мобилизации. К таковым, согласно теории мобилизации ресурсов и теории политического процесса, относится наличие внешних и внутренних *ресурсов и возможностей*, позволяющих сформироваться движению и сформировать сети взаимодействий. Несмотря на то, что в многочисленных работах по теории мобилизации ресурсов само понятие ресурсов практически не уточняется, а вместо этого дается их типология, все они сходятся во мнении о принципиальной важности роли ресурсов для формирования движений (McCarthy, Zald 1977; Jenkins 1983; Jenkins, Eckert 1986; Cress, Snow 1996; Edwards, McCarthy 2004; Kniss 1996; Eltantawy, Wiest 2011; Diani 2000).

Что касается другого фактора формирования движений – *возможностей*, то в теории политического процесса им было уделено основное внимание. Данная теория утверждает, что ни социальный конфликт, ни ресурсы не могут привести к формированию движению, если внешняя среда этому не способствует или критически мешает. Для анализа внешнего

контекста было введено понятие структуры политических возможностей, которое определяет, в какой мере внешняя среда открыта или закрыта для проявления коллективных действий (McAdam 1996, p. 27), каково влияние внешних угроз (Tilly 1978; Tarrow 2011) и субъективного восприятия соотношения возможностей и угроз на формирование движений (McAdam et al. 2004).

Важным ограничением данных теоретических подходов к пониманию возможностей, способствующих формированию движений, является то, что они зачастую редуцированы до вопросов политического характера и не включают в анализ иные аспекты внешнего контекста. Решение данной проблемы было предложено Д. Рухтом, который предложил анализировать внешнюю среду движений не только через политический, но и социальный и культурный контексты (Rucht 1996). В определении Д. Рухта к социальному контексту относится, в частности, социальная и классовая структура общества, которая оказывает непосредственное влияние на формирование движений. Культурный контекст включает общественные установки и ценности и то, в какой мере они резонируют с декларируемыми целями движения (Rucht 1996, p. 188-191). Помимо социального и культурного контекста важным для социологического анализа факторов формирования движения наблюдателей на выборах является институциональный контекст. Как было отмечено ранее, движение наблюдателей на выборах было сформировано в правовой среде с уже выработанными формальными нормами и правилами регулирования. В этой связи изучение факторов формирования движения наблюдателей на выборах требует анализа его взаимосвязи с уже имеющимся институциональным контекстом.

Третьим фактором формирования движений является наличие *коллективной идентичности* среди участников движения – общей разделяемой и осознаваемой цели движения, ощущение единства коллективного актора (della Porta, Diani 2009; Tarrow 2011; Diani 1992). Фактически наличие коллективной идентичности среди участников движения

отличает их от участников разовых коллективных действий, таких, например, как протесты, марши, демонстрации. С точки зрения места понятия коллективной идентичности в социологии общественных движений, С. Хант и Р. Берфорд отмечают, что оно «кажется, является либо центральным концептом, либо остаточной категорией практически всех теоретических подходов и эмпирических вопросов, связанных с изучением общественных движений» (Hunt, Benford 2004, p. 433). Действительно, одним из первых о значимости коллективной идентичности, но несколько винных терминах, заявил Н. Смелзер в рамках классической теории коллективного поведения, который утверждал, что одной из завершающих стадий формирования движения является «формирование общих генерализованных убеждений», которые переводят ситуацию структурной напряженности в осознаваемую и значимую для потенциальных участников движения (Smelser 1962, p. 16). В дальнейшем теория новых общественных движений пересмотрела понятие коллективной идентичности и поставило его фактически во главу угла. Так, с одной стороны, она является важным предиктором для формирования движений в постиндустриальном обществе, где не классовая принадлежность, а групповая, коллективная солидарность, основанные на не-классовых признаках – ценностях, образе жизни, запросе на признание – выступает основанием для мобилизации (Buechler 1995; Cohen 1985; Melucci 1995; Polletta, Jasper 2001; Johnston et al. 1994). С другой стороны, коллективная идентичность понимается в рамках теории новых общественных движений в качестве признака сформированного общественного движения (Polletta, Jasper 2001).

Коллективная идентичность может проявляться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. На индивидуальном уровне коллективная идентичность отражается через «когнитивную, моральную и эмоциональную связь с более широким сообществом, категорией, практикой или институтом» (Polletta, Jasper 2001, p. 285). О коллективной идентичности участников движения можно говорить, когда они ассоциируют себя с движением,

ощущают себя его частью, чьи цели разделяют и поддерживают собственными действиями (Holland et al. 2008, p. 97). В ходе приобретения совместного опыта, эмоциональных переживаний, участники движений формируют чувство «мы» и определяют свои границы от «других» (Snow 2001). На коллективном уровне коллективная идентичность движения проявляется через «разделяемое определение группы, которое исходит из общих интересов, опыта и солидарности ее членов» (Taylor, Whittier 1992, p. 105).

Динамика развития общественного движения: основные этапы

Среди существующих теоретических подходов к пониманию динамики развития общественных движений можно выделить два уровня закономерностей. Первый, макроуровень закономерностей, представлен в рамках теории политического процесса и выявляет цикличность или волнообразность массовой мобилизации в долгосрочной исторической перспективе в целом. С. Тарроу на примере общественных движений Италии 1960-1970-х гг. показал, как распространялись протестные настроения от рабочих и студентов до других групп общества, вызывая волну насилия, которая впоследствии нивелировалась и происходил возврат к традиционной модели управления (Tarrow 1993, 2010, 2011).

Второй уровень закономерностей проявляется на уровне отдельных движений и их организаций. Впервые наиболее системно этапы развития общественных движений выделил Г. Блумер (Blumer 1953) в теории коллективного поведения. Он предложил модель динамики развития движений (Blumer 1953), состоящую из четырех этапов: «социальное волнение» (social ferment), «массовое возбуждение» (popular excitement), «формализация» и «институционализация». Однозначность последнего этапа, предложенного Г. Блумером, вызвала наибольшую аргументированную критику среди исследователей. Как отмечает Д. делла Порта и М. Диани (della Porta, Diani 2009, p. 150-152), помимо институционализации движения существуют и иные формы его развития – от радикализации и снижения

контактов с внешним миром до исчезновения общественного движения или его отдельных организаций по причине достижения поставленной им цели.

Как отмечает С. Тарроу, если движения зарождаются примерно по одному и тому же сценарию, то их «умирание» имеет значительно большее разнообразие форм (Tarrow 2011, p. 212). Однако вопрос о путях демобилизации остается в значительно меньшей мере изучен, чем о том, как и почему движения формируются (Tilly, Tarrow 2015). В ответ на эту лакуну Ч. Тилли и С. Тарроу в работах о «сопоставительной политике» (contentious politics) теоретизировали пути демобилизации движений и выделили основные из них. Ими были предложены три пути демобилизации общественных движений (Tarrow 2011, p. 188-190; Tilly, Tarrow 2015, p. 127-131). Первый путь – внутренне истощение и внешняя поляризация. Второй путь демобилизации возникает при выборе стратегии действий движения – будут ли они радикализироваться и становиться насильственными или следует идти по неконфликтному пути институционализации. Третий путь демобилизации зависит от реактивных действий государства, которое может вести как целенаправленные репрессии по отношению к движению для его устранения или минимизации оказываемого им влияния на общественную жизнь, так и проводить тактику поглощения движения, что приведет к полной потере автономности последнего и снизит таким образом заинтересованность активистов в нем участвовать.

Все исходы, за исключением институционализации движения и того случая, когда движение добилось поставленной цели, можно условно отнести к негативным. Институционализация же, напротив, означает, что движение стало «инкорпорированным в рутину» (Tarrow 2011, p. 190), «стало органической частью общества и кристаллизовалось в профессиональную структуру» (della Porta, Diani 2009, p. 150). К механизмам институционализации движений С. Стаггенборг (Staggenborg 2013) относит формализацию организаций и ее профессионализацию. Об институционализации движений также можно говорить в случае, когда их

цели и идеи нормализуются и становятся общепринятыми, а также когда их деятельность становится полноценной частью какого-либо социального института или организации (Staggenborg 2013). Примером внутренней (с т.з. формализации и профессионализации) и внешней (с т.з. принятия целей и нормализации в общественном восприятии) институционализации движения, является экологическое движение в развитых странах (Guini, Grasso 2015). Так, экологическое движение стало носить глобальный характер, появились профессиональные организации и сформировались отдельные «зеленые» политические партии, а сама экологическая повестка стала повседневной.

Детерминанты индивидуального участия

В части разработки теоретической схемы анализа детерминант индивидуального участия были изучены и систематизированы следующие работы (Andretta, della Porta 2014; Barkan 2004; Klandermans, Oegema 1987; Klandermans 2004, 2015; McAdam 1986; Putnam 1995; Schwartz 1992, 1994; Snow et al. 1980; Passy, Giugni 2001; Opp et al. 1995; van Stekelenburg et al. 2009; Urdal 2006). На их основе были установлены четыре категории анализа, необходимые для выявления детерминант участия в движении наблюдателей на выборах, это – мотивы участия, социально-экономический, ценности и социальный капитал участников.

При этом, как отмечают С. Баркан и соавторы (Barkan et al. 1995), в анализ следует включать не только детерминанты индивидуального участия в общественном движении на этапе входа, но и в процессе продолжения участия в движении и выхода из него. Так же ряд авторов предлагает рассматривать участие в движении не в качестве дихотомической переменной (участвует-не участвует), а с учетом интенсивности участия в движении (Passy, Giugni 2001; Rainsford 2017; Saunders et al. 2012; Andretta, della Porta 2014) или в качестве степени включенности в движение, начиная с потенциальных, заканчивая реальными участниками (van Laer 2017). Такие рекомендации являются ценными для анализа детерминант индивидуального участия в движении

наблюдателей на выборах в связи с, одной стороны, наличием определенного числа выборов, в которых потенциально наблюдатели могли участвовать, а с другой, в связи с массовостью движения и постоянным наличием новых участников движения – тех, кто вышел из него, а так же тех, кто является его ядром. В этой связи, в диссертационной работе ставится не традиционный вопрос о детерминантах участия в движении на контрасте неучастия, а более комплексный о детерминантах включенности в движение наблюдателей и интенсивности участия в нем.

Мотивы

Голландские исследователи Б. Кландерман и Ж. ван Стекеленбург привнесли наибольший вклад в систематизацию различных подходов к анализу мотивов участия в общественных движениях (Klandermans 2004, 2015; van Stekelenburg et al. 2009; van Stekelenburg, Klandermans 2010). Сами мотивы понимаются ими в качестве схемы субъективных интерпретаций и объяснений индивидуального участия в движении самими участниками (van Stekelenburg, Klandermans 2010). Исследователями была предложена модель, согласно которой существует «три фундаментальных причины, почему люди принимают участия в движении» (Klandermans 2004, p. 361). Коротко данные мотивы авторы работы называют *инструментальными*, нацеленными на достижение социальных изменений, мотивами *идентичности*, относящейся к желанию индивида действовать в соответствии с идентификацией с группой, и, наконец, *идеологическими или экспрессивными* мотивами, базирующимися на желании выражении взглядов и чувств (Klandermans 2004, 2015; van Stekelenburg, Klandermans 2010). При этом, на основе обзора различных эмпирических работ, авторы утверждают, что мотивы участия в большинстве движений основаны на сочетании инструментальных и экспрессивных мотивов (van Stekelenburg, Klandermans 2010).

Что касается мотивов выхода из движения, то данный вопрос, за исключением модели Б. Кландерманс, является практически не изученным.

Согласно его модели «динамики выхода» (dynamics of disengagement), намерение выйти из движения стимулируется либо недостаточным удовлетворением от участия в движении, либо снижением чувства приверженности движению (Klandermans 2004, p. 371-374). Первый мотив Б. Кландерманс понимает в качестве осознания недостижимости цели движения и потеря интереса к их достижению, второй – через снижение коммуникации с членами и лидерами движения.

Социально-экономический статус

В связи с постоянным развитием новых форм общественных движений и изменений, происходящих на уровне макроконтекста, на теоретическом уровне отсутствует консенсус относительно типичного социального портрета участников движений. Классические теории, возникшие в середине XX в., видели участников общественных движений в качестве маргинальных, низших и социально изолированных слоев населения (Blumer 1953; Kornhauser 1959, Гарр 2005), в то время как современные теории, в частности, теория новых общественных движений, наоборот, описывают их в качестве людей, принадлежащих к «новому» среднему классу, имеющих высокий социально-экономический статус и занятость интеллектуальным нефизическим трудом (D'Anieri et al. 1990; Kriesi 1989; Offe 1985; Rose 1997). В современных эмпирических работах исследователи уходят от выявления общих характеристик социально-экономического статуса участников общественных движений к анализу конкретных кейсов и разработке аналитических схем изучения данного вопроса. Под социально-экономическим статусом участников общественных движений в данной работе понимается, в первую очередь, уровень образования сфера занятости и уровень доходов (Brady et al. 1995).

Для постановки исследовательских гипотез о социальном портрете наблюдателей на выборах и характере связи между социально-экономическим статусом и включенностью и интенсивностью участия в движении

наблюдателей на выборах, мы полагаемся на ранее выявленные характеристики «типичного» участника современных общественных движений. Это объясняется природой самого движения, ставящего перед собой нематериальные цели «честных выборов», относящейся к категории общественного блага. Таким образом, предполагается, что большинство участников движения наблюдателей на выборах обладают относительно высоким социально-экономическим статусом, а также заняты в сфере интеллектуального труда, на основании чего их можно отнести к «новому» среднему классу. Под высоким социально-экономическим статусом имеется в виду наличие высшего образования, высокого материального благосостояния, а также наличие самоидентификации со средним классом и выше.

В результате сформулированы следующие гипотезы (H1):

(H1-1) Большинство участников движения обладают высоким социально-экономическим статусом и заняты в сфере интеллектуального труда, на основании чего их можно отнести к «новому» среднему классу.

(H1-2) Наличие высокого социально-экономического статуса и занятость в сфере интеллектуального труда увеличивает вероятность включения в движение наблюдателей и интенсивность участия в нем.

Ценности

Влияние ценностей на индивидуальное участие в общественных движениях начало полноценно рассматриваться лишь на поздних, более современных этапах теоретизирования. С появлением теории новых общественных движений ценности фактически встали во главу угла исследований и были выделены в качестве базиса для их формирования и развития (Offe 1985, Inglehart 1990a, 1990b).

Современные количественные исследования, посвященные изучению влияния ценностей на про-социальное поведение (Schwartz 2010) и волонтерство (Plagnol, Huppert 2010), участие в деятельности НКО (Luengo Kanacri et al. 2012) и политической активности (Vecchione et al. 2015; Chrona,

Capelos 2017), а также в деятельности различных общественных движений (Karp 1996; Morselli, Passini 2018; Schultz, Zelezny 1999; Schwartz, Huismans 1995) преимущественно применяют валидизированную методику опросника Ш. Шварца, разработанную в рамках теории базовых ценностей (Schwartz 1992). Согласно определению Ш. Шварца, ценности «(1) представляют собой концепции убеждений, (2) относятся к желаемым конечным состояниям или поведению, (3) выходят за пределы конкретных ситуаций, (4) направляют выбор или оценку поведения и события, и (5) упорядочены по относительной важности» (р. 4). В результате многолетних кросс-культурных исследований было выявлено 10 базовых ценностей, присутствующих в различных культурах (Schwartz 1992, 1994 и т.д.) и объединенных в четыре укрупненных категории ценностей, образующих две ценностные оси «Самоутверждение - Выход за пределы “Я”», «Сохранение - Открытость изменениям».

Результаты ранее проведенных исследований дают основание полагать, что ценностный портрет участников различных типов общественных движений различается (Karp 1996; Schultz, Zelezny 1999; Schwartz, Huismans 1995; Morselli, Passini 2018; Roets et al. 2014). Так, показано, что участие в «инклюзивном» типе протестных движений, ориентированных на достижение общественного блага для всего общества, и «эксклюзивном» типе, нацеленного на приобретение блага для конкретной группы и исключаящего другие группы, связано с различными ценностями, разделяемыми их участниками (Morselli, Passini 2018). Если первые обладают выраженными ценностями «универсализма», то вторым свойственны консервативный набор ценностей – «традиционализм», «безопасность» и «конформность».

В контексте выявления ценностных детерминант индивидуального участия в общественном движении наблюдателей на выборах предполагается, что движение относится к инклюзивному типу, ориентированного на достижение общественного блага («честных выборов»), доступного всем членам общества. В этой связи, сформулированы следующие гипотезы (H2).

(H2-1) Участники движения наблюдателей на выборах имеют специфический ценностный портрет, имеющий выраженные ценности категорий «Выход за пределы “Я”» и «Открытость изменениям».

Социальный капитал

Наличие плотной сети взаимодействий на этапе до включения в общественное движение является одним из важных факторов для дальнейшего участия в нем (Edwards, McCarthy 2004a; Diani 1992, 1997, 2004). Такое понимание роли социальных сетей, которые способствуют объединению и определяют коллективные действия, соответствуют определению социального капитала (Diani 1997).

Понятие социального капитала весьма обширно, однако в основных определениях Р. Патнема, П. Бурдьё, М. Грановеттера, во-первых, говорится о его функциях – содействие во взаимодействии, и, во-вторых, о его формах – социальных сетях и доверии (Bourdieu 1986; Granovetter 1973; Putnam 1995). Так, Р. Патнем определяет социальный капитал в качестве «сетей, норм и социального доверия, которое способствует взаимовыгодной координации и кооперации» (Putnam 1995, p. 67). В дискуссии о социальном капитале Р. Патнем отдельно выделяет вопрос гражданского участия (civic engagement) и членства в различных ассоциациях, которые он рассматривает в качестве эмпирического отражения социального капитала. П. Бурдьё также говорит о социальных сетях и членстве в группе как о социальном капитале, однако важное место в его обсуждении занимает взаимосвязь социального капитала с экономическим и культурным капиталом и «прибыль, приносимая членством в группе» (Bourdieu 1986, p. 247). М. Грановеттер в некотором смысле объединяет эти две дискуссии и, разделяя «сильные» (члены семьи, близкие друзья) и «слабые» (знакомые) социальные связи, демонстрирует силу последних, которые позволяют людям иметь больший доступ к информации и приносить большую выгоду (Granovetter 1973).

Исследования показывают, что уровень межличностного доверия (Jeong 2013; Krishna 2002), опыт участия в некоммерческих организациях (Jeong 2013; Andretta, della Porta 2014) и протестных акциях (Welzel et al. 2005; Grasso, Giugni 2016; Rüdиг, Karyotis 2013) имеют позитивную взаимосвязь с участием в движениях. Такие переменные выступают в качестве эмпирической операционализации понятия социальный капитал. Основной вывод данных работ – уровень социального капитала позитивно взаимосвязан с участием в общественных движениях, однако следует учитывать вариабельность и многоаспектность как самого социального капитала (Jeong 2013; Paxton 2002; Welzel et al. 2005), так и специфику самих движений (Rüdиг, Karyotis 2013; Jeong 2013), интенсивность (Andretta, della Porta 2014; Saunders et al. 2012) и формат участия в них (van Laer 2017).

С точки зрения дифференцированного влияния социального капитала, и, в частности опыта участия в различных некоммерческих организациях, ряд исследований приходит к выводу о том, что для более детального и корректного анализа не следует агрегировать опыт участия во всех организациях в целом. Наоборот, необходимо разделять НКО по видам деятельности (Jeong 2013), например, по тому на какую аудиторию направлена работа организации – на внутреннюю (утилитарные организации, созданные в групповых интересах в т.ч. профсоюзы, партии, профессиональные ассоциации) или внешнюю, где организации являются ориентированными на достижение общественного блага (благотворительные, правозащитные, экологические организации) (Welzel et al. 2005).

Более корректным подходом к определению типов некоммерческих организаций, не фокусирующемся на конкретных направлениях деятельности, а рассматривающим их как равнозначные, представляется типология «закрытых» и «открытых» НКО, предложенная П. Пакстон в исследовании о связи социального капитала с демократией (Paxton 2002). В своей работе она предлагает определять «открытость» и «изолированность» организаций по среднему числу других некоммерческих организаций, в которых принимают

участие их участники (Paxton 2002). Те организации, чьи участники также принимают участие в других организациях – относятся к типу «открытых». Для «изолированных» организаций, наоборот, свойственная закрытость – ее участники редко принимают участие в других НКО.

Полученные ранее теоретические положения и эмпирические результаты позволяют предположить, что большинство участников движения наблюдателей на выборах обладают высоким уровнем социального капитала, который выражается в наличии высокого межличностного доверия, опыта участия в деятельности НКО, добровольчестве и протестах. Данные переменные отражают встроенность в различные социальные сети и отражают опыт кооперации.

Таким образом, сформулированы следующие гипотезы (H3):

(H3-1) Большинство участников движения наблюдателей на выборах обладают высоким уровнем социального капитала – высоким уровнем межличностного доверия, высоким уровнем участия в деятельности НКО, добровольчестве и опытом участия в протестах.

(H3-2) Высокий уровень межличностного доверия, опыт участия в деятельности НКО и протестных акциях увеличивает вероятность включения в деятельность по наблюдению на выборах и интенсивность участия в движении наблюдателей.

(H3-3) Опыт участия в деятельности «открытых» НКО увеличивает вероятность включения в деятельность по наблюдению на выборах и интенсивность участия в нем, а «изолированных» – сокращает.

Методы сбора и анализа данных

Эмпирической базой исследования являются количественные и качественные данные, собранные и анализируемые в рамках методологии смешанных исследований (mixed methods research). Триангуляция данных позволила, с одной стороны, количественно изучить социальный состав и

выявить факторы включения в деятельность по наблюдению на выборах, а с другой, за счет работы с качественными данными дополнить выводы о мотивах участия и динамике развития движения нарративами и субъективной аргументацией самих участников движения.

Период проведения исследования – 2012-2016 гг. Этот период охватывает две федеральных электоральных волны и позволяет отследить развитие движения наблюдателей на выборах в динамике. Количественные данные исследования – данные онлайн опросов наблюдателей на выборах, проведенных автором среди участников общественных организаций и проектов наблюдателей на выборах в 2012-2016 гг. (2012 г.: N=1025, 2013 г.: N=1327, 2016 г.: N=766, подробнее см. Таблицу 4), а также данные репрезентативного опроса населения, проведенного в 2013 г. Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в рамках проекта «Мониторинг состояния гражданского общества» (N=2000).

Качественные данные представлены глубинными интервью с ключевыми информантами движения в различных регионах России (Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Брянск, Нижний Новгород) в том числе в Москве и Санкт-Петербурге (N=14). Также источником качественно-количественных данных выступили тексты новостей и записей в интернет-дневниках, собранных на базе «Медиалогии» в период месяца до и после выборов в 2011-2014 гг. (общее число проанализированных текстов новостей и интернет-дневников – более 20 тыс.). Таким образом, качественно-количественные данные собранные за период с 2012 по 2016 гг. позволили решить задачу анализа динамики развития движения на разных его этапах и выявить динамику индивидуальных мотивов участия в нем.

Для анализа собранных количественных данных онлайн опросов наблюдателей и репрезентативного опроса населения были использованы методы дескриптивного и регрессионного анализа (мультиномиальная регрессия) с использованием программного пакета SPSS 22 и Stata 13. Аудиозаписи интервью были транскрибированы, затем производился анализ

расшифровок интервью, так же как и текстовых данных «Медиалогии». Анализ текстов проводился с использованием методики открытого сквозного кодирования в программе Atlas.ti 5.0 для дальнейшего критического анализа цитат. Данные «Медиалогии» также были количественно проанализированы методом частотного анализа.

Положения, выносимые на защиту

1. В 2011-2012 гг. в России сформировалось общественное движение наблюдателей на выборах. Факторами его формирования стали – (1) конфликт, вызванный несогласием граждан с процедурой и результатами голосования на выборах в Государственную Думу в 2011-2012 гг.; (2) наличие способствующих возможностей в виде институционального, социального и культурного контекстов, стимулирующих формирование и развитие движения; (3) доступные и успешно мобилизованные организационные и человеческие ресурсы (в первую очередь, организационные и человеческие); (4) сформированная коллективная идентичность участников движения.

2. Движение наблюдателей на выборах характеризуется высокой динамичностью развития. Быстро сформировавшись в процессе роста протестного движения 2011-2012 гг., движение перешло на стадию формализации и консолидации, свидетельством которой является стал рост организационной силы движения, формирование коалиций из нескольких организаций наблюдателей на выборах, рост репертуара коллективных действий. Однако на последующей стадии движение начало демобилизоваться. Выявлено три пути демобилизации движения наблюдателей на выборах – истощение, поляризация и институционализация. В результате движение наблюдателей на выборах потеряло свой мобилизационный характер, данная деятельность институционализировалась и продолжает развиваться как деятельность общественных организаций наблюдателей на выборах.

3. Выявлены различные мотивы участия в деятельности движения наблюдателей на выборах на этапе «входа» в движение, «продолжения» участия в нем и «выхода» из него. На первоначальном этапе «входа» в движение основным мотивом стали экспрессивные мотивы и недовольство результатами предыдущих выборов, желание на собственном опыте проверить честность голосования или ее отстоять, предотвратив возможные нарушения. Для мотива «продолжения» участия для наблюдателей на выборах стали более значимы воспринимаемый ими уровень политической конкуренции на конкретных выборах и субъективное ощущение наблюдателей возможности оказать влияние на проведение «честных выборов». Установлено, что в отсутствии данных условий среди участников движения срабатывал мотив «выхода» из движения, который дополнялся чувством разочарования в движении и невозможности достичь цели «честных выборов».

4. Участникам движения наблюдателей на выборах свойственны особые демографические и социально-экономические характеристики. Наблюдателями на выборах в основном становились люди в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие высшее образование, занятые в сфере интеллектуального труда (информационных технологий, науки и образования и проч.) на относительно высоких должностных позициях. Они обладали высоким материальным положением и имели относительно высокую классовую самоидентификацию. На основе полученных результатов более половины (61%) участников движения наблюдателей на выборах можно отнести к представителям «нового» среднего класса.

5. Наблюдателей на выборах, по сравнению с населением в целом, заметно отличает высокий уровень социального капитала, выраженный в высоком уровне межличностного доверия, опыте участия в добровольческой деятельности и деятельности НКО. Установлено, что более половины участников движения наблюдателей на выборах (59%) являются представителями ядра социальной базы гражданского общества.

6. Доминирующими ценностями для наблюдателей на выборах, согласно теории базовых человеческих ценностей Ш. Шварца, являются Благожелательность, Универсализм и Самостоятельность. В результате установлено, что наблюдатели на выборах заметно превосходят население в целом по ценностям укрупненного уровня Выход за пределы «Я» и Открытость изменениям.

7. На основе регрессионного анализа установлены детерминанты включенности в деятельность по наблюдению на выборах и интенсивности участия в движении наблюдателей на выборах. Для населения в целом включение в деятельность по наблюдению на выборах определяется в наибольшей мере социально-экономическим статусом – наличием высшего образования и самоидентификация со средним классом и выше. Для участников движения наблюдателей на выборах, интенсивность участия в нем определяется в наибольшей степени уровнем социального капитала (наличием опыта участия в акциях протеста, публичных слушаниях, НКО).

Основные выводы и результаты исследования

Движение наблюдателей на выборах появилось в ходе федеральной избирательной кампании в 2011-2012 гг. Его спонтанная и массовая мобилизация оказалась для многих, в том числе исследователей, неожиданной. Существовавшие ранее формальные прописанные в законе нормы и неформальные практики наблюдения на выборах не демонстрировали потенциала к экстенсивному и интенсивному развитию. Более того, в условиях низкого интереса и доверия к выборам, низкой политической и гражданской активности формирование массового движения наблюдателей на выборах предсказать было невозможно. Однако движение сформировалось, приобрело общественную узнаваемость и одобрение. Реальное участие в деятельности движения наблюдателей достигло на выборах Президента в 2012 г. несколько десятков тысяч человек по всей стране.

Согласно полученным результатам исследования, движение наблюдателей на выборах формировалось в контексте способствующих на это факторов. Основным мобилизирующим событием для роста массовой мобилизации стал конфликт, выраженный в спонтанном недовольстве процедурами и результатами голосования на выборах в Государственную Думу в декабре 2011 г. Широкое распространение видеороликов с нарушениями на выборах вызвало ряд резко негативных эмоций, затронувших гражданскую идентичность россиян, практически половина которых не считала проведенные выборы честными. Обнародованные видео и эмоциональное вовлечение в их осмысление стали основным триггером, поднявшим волну протестной мобилизации. Протестная мобилизация стала во многом возможна не только за счет мобилизирующего события и недовольства процедурами и результатов выборов, но и за счет в целом накопленного в обществе социального и политического недовольства в особенности среди представителей среднего класса, а также запроса определенной части общества на работающие демократические институты. Это подкрепило протестную мобилизацию и усилило интерес граждан к участию в деятельности по наблюдению на выборах, которая являлась законодательно возможной практикой участия в выборном процессе, к реализации которой не было никаких формальных ограничений.

«Появилось (движение) по причине... очень комплексно. Конечно, фальсификации на выборах, обманутые ожидания, ощущение необходимости, понимание необходимости перемен и ощущение, что их никак нельзя сделать. Понимание ответственности, что мы можем это сделать, можем это сдвинуть и, конечно же, «рокировка» сентябрьская она тоже сыграла свою роль». (ж., Нижний Новгород, участник движения)

Тем не менее, одного недовольства и способствующего внешнего институционального, социального и культурного контекста было бы

недостаточно для формирования устойчивого движения наблюдателей на выборах. Для этого требовались ресурсы, доступные движению для мобилизации – организационные, человеческие, моральные. Движение сформировалось на базе накопленного практического опыта по наблюдению на выборах, который ранее не выходил за пределы узкой группы заинтересованных лиц – участников отдельных общественных организаций, сторонников политических партий и кандидатов. Благодаря накопленному опыту организации деятельности по наблюдению на выборах, на которое смогло опереться движение, движение справилось с массовым потоком желающих стать наблюдателями на выборах. Помимо организационных ресурсов, значимым для его развития стали доступные человеческие, моральные и социальные ресурсы. Готовность большого числа людей присоединиться к движению, имевших ранее опыт участия в различных практиках общественной активности, а также наличие у движения значимых сторонников – публичных интеллектуалов – оказалось не менее значимыми факторами для формирования движения, чем накопленный ранее практический опыт. В результате совпадение во времени всех с теоретической точки зрения необходимых и достаточных факторов привело к формированию движения наблюдателей на выборах, участники которого сформировали свою коллективную идентичность вокруг цели достижения «честных выборов». Совместно пережитый опыт и его обсуждение позволило усилить ощущение принадлежности к коллективному «мы» движения и закрепить его коллективную идентичность.

«Люди в движении наблюдателей сопричастны процессу, они не один на один... У них появляется предмет для общения. Их отрицательный опыт становится не их просто отрицательным опытом, а это их жизненный опыт, который им помогает двигаться, находить людей, находить соратников, именно ощущение формирования гражданского

общества, наверно, нас всех там и держит» (ж., Новосибирск, участник движения)

В контексте теорий общественных движений кейс движения наблюдателей является подтверждением вывода о том, что формирование движений – это процесс с множеством необходимых составляющих (della Porta, Diani 2009). Только при совпадении всех необходимых факторов – конфликта или, иначе, недовольства, активизирующего мобилизацию, и желания достичь каких-либо изменений в обществе, не достаточно. Для того, чтобы мобилизация привела к устойчивому общественному движению необходим как внешний способствующий контекст, так и ресурсы, доступные для мобилизации. О сформированном движении можно говорить тогда, когда его участники формируют коллективную идентичность, самоопределяют свое коллективное «мы» и разделяют общие цели движения.

Дополнительно стоит отметить, что при анализе внешнего контекста формирования движений исследователями традиционно особое внимание уделяется внешнему политическому контексту или, в терминах Д. МакАдема, структуре политических возможностей (McAdam 1996). Однако как показывает кейс движения наблюдателей на выборах, не только политический контекст, но и институциональный (нормы, правила, организации, связанные с деятельностью движения), социальный (социальная структура общества, накопленный опыт самоорганизации) и культурный (принятие обществом целей движения, наличие в обществе соответствующих установок и ценностей) контекст оказывается важным для его формирования. Такой подход соответствует модели анализа внешнего контекста формирований общественных движений, предложенной Д. Рухтом (Rucht 1996), но которая редко применяется исследователями.

Второй исследовательской задачей являлось выявить этапы формирования движения. Результаты исследования показывают, что сформировавшись, движение наблюдателей на выборах, начало достаточно

динамично развиваться и перешло на следующую стадию формализации и консолидации, когда организационная сила движения начала расти, сформировалась коалиция из нескольких организаций наблюдателей, рос репертуар их коллективных действий. Тем не менее, достигнув своего пика, на последующей стадии движение начало демобилизоваться. В результате исследования выявлено три пути демобилизации движения наблюдателей на выборах – истощение, поляризация и институционализация. Если в первом и втором случае можно говорить о «негативной» демобилизации за счет формирования чувства разочарования невозможности достичь изначальной цели движения «честных выборов» и перехода части участников движения в другие низовые движения, то «институционализацию» движения можно отнести к «позитивному» пути демобилизации. Институционализация движения произошла как счет усиления организационной силы сформированных на волне массовой мобилизации общественных организаций наблюдателей на выборах и закреплению функций таких организаций внутри движения, так и за счет роста их профессионализации. Лидеры организаций наблюдателей получили внешнее признание в качестве экспертов в области деятельности по наблюдению на выборах и в сфере электорального законодательства в целом. Также внешняя институционализация движения проявилась в нормализации деятельности по наблюдению на выборах в общественном восприятии, которое стало неотъемлемой частью электорального процесса. В дальнейшем это привело к кооптации повестки наблюдения на выборах государством и формирования новых механизмов (через региональные Общественные палаты) рекрута, обучения и координации деятельности по наблюдению на выборах. В целом сегодня можно говорить о демобилизации движения, которое продолжило свое развитие в качестве деятельности общественных организаций наблюдателей на выборах, сформированных на волне массовой мобилизации, а также об институциональном закреплении данной деятельности.

«И опять же мотивация наблюдателей зависит и от тех выборов, которые проходят. Если они конкурентны, если они интересны, то тогда конечно, люди готовы идти контролировать, чтобы не украли голоса. А если выборы не интересны, не конкурентны, то и избиратели не идут, и наблюдателям это не нужно, поэтому идут платные наблюдатели от кандидатов, чтобы изобразить, что у нас выборы проходят прилично, с наблюдателями, со всеми. Но реальным наблюдателям это не интересно, потому что, что контролировать, если и так все понятно.» (м., Москва, участник движения)

Полученные результаты о внешней институционализации движения вносят дополнительный вклад в понимание российского гражданского общества. Традиционно ему приписывается низкая роль во влиянии на принятие решений, во влиянии на институциональную и политическую среду. Так, например, в исследованиях об адвокативной деятельности некоммерческих организаций, говорится о том, что эффект такой деятельности весьма ограничен и основной тактикой адвокации выступает включение в формальные каналы взаимодействия с представителями органов власти и построение с ними неформальных взаимоотношений (Ljubownikow, Crotty 2016). Внешняя адвокатура через влияние на повестку за счет продвижения альтернативных мнений, работы со СМИ, протестные акции крайне редко встречается в среде НКО и является наименее успешной. Протестные и общественные движения в России также демонстрируют аналогичную с НКО низкую способность к внешнему влиянию (Туканова, Khokhlova 2020). Кейс движения наблюдателей на выборах показывает, во-первых, что влияние на внешнюю институциональную среду возможно. Институционализация движения за счет нормализации практики наблюдения на выборах и принятия ее в качестве неотъемлемого элемента выборного процесса является важным внешним эффектом. Во-вторых, институционализация движения наблюдения на выборах в контексте

«гибридных режимов» происходит в том числе путем кооптации повестки и выстраивания новых, подконтрольных государству, механизмов (через региональные Общественные палаты, формируемые в т.ч. на основе предложений губернаторов).

Третьей исследовательской задачей было определить социальный состав участников движения наблюдателей на выборах с точки зрения демографического, социально-экономического состава движения наблюдателей на выборах, уровня их социального капитала и свойственных им ценностей. Согласно полученным результатам исследования, участниками движения наблюдателей на выборах в основном становились люди в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие высшее образование, занятые в сфере интеллектуального труда (информационных технологий, науки и образования), имеющие высокое материальное положение и не являющиеся сторонниками или членами существующих парламентских политических партий. Согласно авторской методике определения «нового» среднего класса, большинство участников движения наблюдателей на выборах (61%) можно отнести к его представителю. Это подтверждает гипотезу Н1-1.

Вместе с этим, наблюдателей, по сравнению с населением в целом, заметно отличал высокий уровень социального капитала, выраженный в высоком уровне межличностного доверия, опыта участия в добровольческой деятельности, деятельности некоммерческих организаций и протестных акциях. Гипотеза Н3-1 подтверждается.

Также участники движения наблюдателей на выборах имели специфическую ценностный портрет. Доминирующими ценностями наблюдателей, согласно модели базовых человеческих ценностей Ш. Шварца, являются Благожелательность, Универсализм и Самостоятельность. В результате установлено, что наблюдатели на выборах заметно превосходят население в целом по ценностям укрупнённого уровня Выход за пределы «Я» и Открытость изменениям. Полученные результаты подтверждают гипотезу Н2-1.

Полученные выводы относительно социального состава участников движения наблюдателей на выборах устанавливают, что интерес к политическим и гражданским вопросам, если выборы относить к таковым, свойственен крайне специфической части российского общества. Портрет участников движения наблюдателей на выборах показывает, что это не только представители «нового» среднего класса – то есть самая образованная, материально обеспеченная часть общества, занятая интеллектуальным трудом, но и люди с высоким уровнем социального капитала. Если более ранний опыт участия наблюдателей на выборах в протестных акциях объясним общей протестной мобилизацией 2011-2012 гг., то их предшествующий опыт участия в добровольческой деятельности и деятельности НКО требует отдельного дальнейшего обсуждения. Фактически такой опыт говорит о том, что неполитическая активность в добровольчестве и НКО может выступать в роли «школы демократии» и приводить к активности в политической и гражданской сфере не только в демократиях, но и в странах с «гибридным режимом».

Особенности качественного состава участников движения наблюдателей на выборах, их высокий уровень социального капитала оказались заметно взаимосвязанными с включением в деятельность по наблюдению на выборах и интенсивностью участия в движении наблюдателей. Для населения в целом включение в деятельность по наблюдению на выборах определяется в наибольшей мере наличием высокого социально-экономического статуса. Значимыми детерминантами включения, в частности, являются наличие высшего образования и высокого уровня социального капитала, выраженного в опыте участия в добровольческой деятельности и деятельности НКО. Для участников движения наблюдателей на выборах, интенсивность участия в нем определяется в наибольшей степени уровнем социального капитала – уровнем межличностного доверия, опытом участия в добровольческой деятельности и деятельности НКО, в протестных акциях и публичных слушаниях. Таким образом гипотеза Н1-2 о

положительной связи социально-экономического статуса с участием в наблюдении на выборах подтверждается частично, только при анализе включенности в деятельность по наблюдению на выборах. Результаты о связи уровня социального капитала с участием в движении подтверждают гипотезу гипотезы НЗ-2 и НЗ-3 лишь частично.

«Я горжусь тем, что я делаю. Люди, которые у нас в разных регионах, это самые активные, продвинутые, это очень грамотные люди, это лидеры общественного мнения, это не кто попало. Поэтому мы стали такой силой». (ж., Новосибирск, участник движения)

Что касается исследовательской задачи по выявлению индивидуальных мотивов участия в движении наблюдателей на выборах, то, следуя теоретической рамке, было выявлено три типа мотивов – «входа» в движения, «продолжения» участия в нем и «выхода» из него. Мотивы «входа» в движение являются экспрессивными и инструментальными и объясняются недовольством результатами предыдущих выборов, желанием на собственном опыте проверить честность голосования или ее отстоять, предотвратить возможные нарушения. Для продолжения участия в движении наблюдателей на выборах экспрессивные мотивы оказались менее значимы, чем инструментальные мотивы, где вопросы о потенциальной эффективности данной деятельности и рационального обоснования участия в движении стали для участников движения ключевыми. В отсутствии видимой политической конкуренции среди участников движения начал формироваться мотив «выхода» из движения, который выражается в чувстве разочарования в движении и невозможности достичь цели «честных выборов». Полученные результаты показывают, что экспрессивные и эмоциональные мотивы являются лишь пусковым механизмом для мобилизации и формирования движений, однако на последующих этапах требуются иные мотивы, рационально объясняющие участникам движения их вклад в достижение поставленной ими цели и ее потенциальную достижимость. Это означает, что

при последующих исследованиях динамики развития движений вопрос о мотивах следует изучать, как минимум, на трех данных этапах.

Отдельно следует отметить ограничения исследования. С точки зрения данных, применение онлайн-опроса для анализа целевой выборки ограничено самоотбором респондентов, отвечающих на анкету исследования. Тем не менее, с учетом высокого процента ответов (38%) и триангуляции полученных данных результатами интервью, материалами интернет-дневников и вторичных количественных данных опросов населения, данное ограничение не имеет столь значительного эффекта. Более того, с учетом того, что исследования общественных движений чаще носят качественный характер, наличие количественного опроса участников движения является преимуществом работы и позволило протестировать ряд теоретических гипотез о социальном составе участников движения наблюдателей на выборах, детерминант их включенности и интенсивности участия в движении. Также ограничением исследования является невключение в анализ политических факторов при анализе факторов формирования и динамики развития движения наблюдателей на выборах. Это объясняется социологическим характером данной работы. Однако для полноценного анализа изучения данных вопросов следовало бы включить анализ влияния партийной системы, политического режима и законодательства.

Также в результате проведенной работы можно сделать ряд рекомендаций относительно дизайна и методологии исследований общественных движений в целом. Так, с методологической точки зрения, проведенный анализ продемонстрировал невозможность использования одних лишь репрезентативных опросов населения для анализа каких-либо узких социальных групп, в том числе тех, кто занимается общественной активностью и, в частности, принимает участие в движении наблюдателей на выборах. Для анализа узких социальных групп рекомендуется комбинировать различные методы сбора и анализа данных, которые позволят уточнить и углубить полученные результаты.

Во-вторых, при изучении мотивов участия в общественных движениях и других сферах гражданского общества рекомендуется дифференцировать мотивы на мотивы «входа», «продолжения» и «выхода». Как показывают результаты проведенного исследования, мотивы участия и не-участия значительно различаются, а их изучение позволяет более глубоко проанализировать природу изучаемого явления и его динамику.

В-третьих, разделение участников движения по степени интенсивности участия в нем продемонстрировало наличие статистически значимых различий между группами с участием в движении 1, 2 и 3 и более раз. В перспективе рекомендуется не рассматривать участников общественных движений и других практик гражданского общества в качестве «монолита», а классифицировать их, как это рекомендуется в литературе и апробировано в данном исследовании, по интенсивности участия.

В-четвертых, дифференцирование НКО по типу «открытых» и «изолированных» организаций также продемонстрировало состоятельность и показало, что опыт участия в «открытых» НКО имеет устойчивую позитивную связь как с включением в деятельность по наблюдению на выборах, так и с интенсивностью участия в движении наблюдателей, чего нельзя сказать о связи с опытом участия в «изолированных» организациях. В дальнейших исследованиях, посвященных изучению связи опыта участия в НКО с другими практиками гражданского общества, также рекомендуется рассматривать различные типы организаций по-отдельности, а не в совокупности.

Список публикаций автора диссертации

1. Скокова Ю. А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций // Социологические исследования, 2014. № 3. С. 132-140.
2. Скокова Ю. А. Наблюдатели на выборах в России // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 57-63.

3. Скокова Ю. А. Движение наблюдателей на выборах в России: роль НКО как «школы демократии» // Социологический журнал, 2016. № 2. С. 55-72.

4. Скокова Ю. А. Динамика развития общественного движения наблюдателей на выборах: результаты исследования 2011-2016 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2016. № 3. С. 65-79.